

Научная статья /
Research Article

УДК 8(091)
ББК 82.3(2=235.7)52

ПЕТР КАРЛОВИЧ УСЛАР — ОСНОВОПОЛОЖНИК КАВКАЗСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

© 2022 г. А.И. Алиева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 12 апреля 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 26 апреля 2021 г.

Дата публикации: 25 марта 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-388-413>

Аннотация: В статье впервые в истории российского академического кавказоведения охарактеризован вклад одного из основоположников научного изучения горских иберийско-кавказских языков члена-корреспондента Петербургской академии наук П.К. Услара (1816–1875) в возникновении кавказской фольклористики. Ученый изучал языки кавказских горцев, опираясь не только на живую речь их носителей, но прежде всего на тексты их фольклора. Поскольку до П.К. Услара научных записей и публикаций текстов горского фольклора не существовало, ученому пришлось первым в истории кавказоведения зафиксировать их на языках оригинала — абхазском, чеченском, аварском, лакском, даргинском, лезгинском, табасаранском, первым опубликовать их на этих языках средствами собственного алфавита, вошедшего в историю кавказоведения как «усларовский», и первым сопроводить их «двойным» подстрочным и литературным переводом на русский язык, лингвистическими и фольклористическими комментариями. П.К. Услар не только последовательно придерживался определенных им принципов фиксации, публикации, комментирования фольклорных текстов, но еще и четко их сформулировал, заложив основы текстологии фольклора горских народов Кавказа, которым следуют кавказские фольклористы уже полтора столетия. Не менее важен вклад ученого в исследование фольклора кавказских горцев — П.К. Услар первым в кавказоведении охарактеризовал нартский эпос, животные и волшебные сказки, притчи, анекдоты, песни, пословицы и поговорки. Все это в совокупности — пусть и с большим опозданием — позволяет назвать П.К. Услара основоположником кавказской фольклористики.

Ключевые слова: фольклор горских народов Кавказа, текстология, эдичия, П.К. Услар.

Информация об авторе: Алла Ивановна Алиева — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-5392-079X>

E-mail: matilda19@mail.ru

Для цитирования: Алиева А.И. Петр Карлович Услар — основоположник кавказской фольклористики // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 1. С. 388–413. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-388-413>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 1, 2022

PYOTR KARLOVICH USLAR – THE FOUNDER OF CAUCASIAN FOLKLORE

© 2022. Alla I. Alieva

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
Received: April 12, 2021

Approved after reviewing: April 26, 2021

Date of publication: March 25, 2022

Abstract: The article examines a hitherto understudied contribution of one of the Mountain Iberian-Caucasian languages' researcher, corresponding member of the St. Petersburg Academy of Sciences P.K. Uslar (1816–1875), to the emergence of Caucasian folklore. The scholar studied the languages of the Caucasian highlanders, relying not only on the living speech of their native speakers, but primarily on their folklore. Since before Uslar there were no scientific records and publications of the Mountain folklore, the scientist had to be the first in the history of Kavkaz studies to record them in the original languages – Abkhazian, Chechen, Avar, Lakh, Dargin, Lezginsky, Tabasaran, the first to publish them in these languages by means of his own alphabet, which went down in the history of Caucasus studies as “Uslarovsky” and the first to accompany them with a “double” subscript and literary translation into Russian, linguistic and folklore commentary. Uslar not only consistently adhered to the principles of recording, publishing, and commenting on folklore texts defined by him, but also clearly formulated them, laying the foundations of the textual folklore of the Mountain Caucasians, which have been followed by Caucasian folklorists. No less important is the contribution of the scientist to the study of the folklore of the Caucasian highlanders – Uslar was the first in Caucasus studies to characterize the Nart epic, animals and fairy tales, parables, anecdotes, songs, proverbs and sayings. All this together, albeit with a great delay, allows to call Uslar the founder of Caucasian folklore studies.

Keywords: mountain peoples' folklore of the Caucasus, textual criticism, edition, P.K. Uslar.

Information about the author: Alla I. Alieva, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-5392-079X>

E-mail: matilda19@mail.ru

For citation: Alieva, A.I. “Pyotr Karlovich Uslar – the Founder of Caucasian Folklore.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 388–413. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-388-413>

Член-корреспондент Петербургской академии наук Петр Карлович Услар (1816–1875) вошел в историю российского академического кавказоведения как один из основоположников научного изучения горских иберийско-кавказских языков. По признанию его современников, «главную заслугу Услара составляют его капитальные образцовые труды, открывшие для науки новый лингвистический мир» [5, с. II].

Потомственный военный, с 1837 г. служивший на Кавказе (эту службу прерывала только учеба в Императорской Военной академии и служба в Отдельном Сибирском корпусе), П.К. Услар в 1850 г. вернулся сюда, чтобы навсегда связать свою судьбу с этим краем.

Во второй половине XIX в. Тифлис, бывший административным центром региона, превратился в его культурный и научный центр — здесь возникали первые на Кавказе «Ученые общества». В 1851 г. по инициативе Наместника Кавказского князя М.С. Воронцова в Тифлисе был открыт Кавказский Отдел Русского Географического общества, и П.К. Услар стал одним из 16 его «членов-учредителей» и деятельнейшим сотрудником. Уже в самом начале своих научных занятий он составил четкий план исследования языков кавказских горцев, одобренный Кавказским Отделом [7, с. 4].

После возвращения на Кавказ на первых порах П.К. Услар успешно сочетал военную службу (генерал-майор) с научными занятиями: в регионе, где он служил, он начинал изучать язык местных жителей. Так, например, в 1851–1853 гг., находясь на Западном Кавказе, он занялся абхазским, сванетским, черкесским, убыхским языками и «записал предания сванетов о сотворении мира, об Амирани, Ростоме и царице Тамаре» [6, с. XV–XVI].

Интерес будущего лингвиста-кавказоведа к фольклору кавказских горцев был совсем не случайным. Как мы увидим дальше, П.К. Услар будет изучать иберийско-кавказские языки, опираясь и на живую речь их носителей, но прежде всего — на их фольклор.

Случилось так, что интерес П.К. Услара к горским языкам возник в условиях, когда русская администрация на Кавказе озаботилась распространением среди горцев грамотности «на русском основании». В связи с этим возник вопрос об издании букварей и книг «для первоначального чтения». «Дело это, по ходатайству Начальника штаба Кавказской армии А.П. Карцева было возложено на П.К. Услара, обратившего уже на себя внимание ученого мира своими лингвистическими исследованиями» [7, с. 8].

С 1861 г. П.К. Услар занялся изучением разных групп иберийско-кавказских языков — адыго-абхазской (абхазский, кабардинский, черкесский, убыхский), нахской (чеченский, бацбийский), дагестанской (аварский, лакский, даргинский, лезгинский, табасаранский), которым он посвятил ряд исследований.

Работа над ними шла стремительно: в 1862 г. ученый завершил «Абхазский язык» и «Чеченский язык», в 1864 — «Аварский язык», в 1865 — «Казикумыкский (лакский) язык», в 1867 — «Хюркилинский (даргинский) язык», в 1871 — «Кюринский (лезгинский) язык».

Максимально требовательный к своим работам, ученый не спешил публиковать их. Сначала он их литографировал, надеясь узнать мнение о них и их носителей, и коллег, и издать их после необходимой доработки.

Смерть помешала П.К. Услару завершить и отлитографировать только последний его труд, посвященный табасаранскому языку, — о его судьбе будет сказано дальше.

Завершенные труды П.К. Услар направлял в Петербургскую академию наук, где академик А.А. Шифнер, первым опубликовавший работы о языках народов Восточного Кавказа — тушинском [11], аварском, удинском, не только выступал на заседаниях Историко-филологического отделения Академии наук с докладами о завершенных трудах П.К. Услара, но и печатал эти доклады в «Мемуарах» Академии. Причем делал это А.А. Шифнер чрезвычайно оперативно. Приведу только один пример: в конце 1862 г. П.К. Услар завершил исследование чеченского языка, литографировал его и отправил А.А. Шифнеру, который уже 16 октября 1863 г. прочитал доклад

об этом труде П.К. Услара на заседании историко-филологического отделения Академии, а затем опубликовал его [13].

Благодаря тому, что академик А.А. Шифнер также оперативно напечатал в «Мемуарах» Петербургской академии наук на немецком языке рефераты не только названной выше грамматики чеченского языка П.К. Услара, но и других его работ, посвященных абхазскому, аварскому, лакскому, даргинскому, лезгинскому языкам, лингвистические исследования П.К. Услара стали не только хорошо известны его европейским коллегам, но и органично вписались в контекст европейского языкознания уже во второй половине XIX в., т. е. еще до публикации их в России типографским способом.

Лингвистические исследования П.К. Услара получили заслуженное признание и в России уже при его жизни. В 1863 г. за «Абхазский» и «Чеченский язык» ученый получил престижнейшую Демидовскую премию (в половинном размере), а в 1868 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Петербургской академии наук по разряду лингвистики историко-филологического отделения.

Но настоящее признание вклада П.К. Услара в развитие российского академического кавказоведения пришло вскоре после его безвременной кончины в 1875 г. В 1881 г. в десятом выпуске «Сборника сведений о кавказских горах» было напечатано не издававшееся ранее основательное исследование П.К. Услара «Древнейшие сказания о Кавказе» [5]. Публикации была предпослана статья многолетнего коллеги ученого по работе в Кавказском отделе Русского Географического общества, автора ряда исследований кавказских языков Л.П. Загурского «Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе» [6, с. I–LXXXIII]. В ней охарактеризован жизненный путь ученого и его вклад в изучение иберо-кавказских горских языков.

Но оставались неизданными исследования П.К. Услара, посвященные иберийско-кавказским языкам, которые, как говорилось выше, при жизни автора были только литографированы «и при том в весьма незначительном количестве экземпляров, вследствие чего и стали делаться все более и более библиографическою редкостью» [7, с. 13].

Кавказский отдел Русского географического общества, Управление Кавказского учебного округа, Императорское Московское археологическое общество и V Археологический съезд, работавший в Тифлисе в сентябре 1881 г., настойчиво хлопотали о выделении средств на издание трудов

П.К. Услара, и 8 мая 1885 г. этот вопрос был решен на самом высоком уровне: Николай II «Высочайше утвердил» решение Государственного Совета о финансировании с 1 января 1886 г. издания трудов ученого, так много сделавшего для изучения Кавказа [7, с. 15].

На протяжении десяти лет (1887–1896) в серии «Этнография Кавказа. Языкознание» были опубликованы работы П.К. Услара, посвященные абхазскому [18], чеченскому [10], аварскому [20], лакскому [21], хюркилинскому (даргинскому) [22], кюринскому (лезгинскому) [23] языкам.

В 1979 г. — через 103 года после кончины автора — увидел свет последний труд ученого — «Табасаранский язык» [24].

В 2002 г. было опубликовано факсимильное издание первой иберийско-кавказской грамматики П.К. Услара «Абхазский язык» [17].

В XX столетии вся совокупность работ П.К. Услара, посвященных горским — иберийско-кавказским языкам, получила высокую оценку нового поколения кавказоведов-лингвистов [2; 3; 8].

Как видим, на протяжении 145 лет, прошедших после кончины П.К. Услара, его лингвистическое наследие было бережно сохранено, тщательно издано в полном объеме и получило достойную и справедливую оценку и современников, и благодарных потомков.

Общепризнано, что в основе лингвистических исследований П.К. Услара — максимально достоверный языковой материал — тексты фольклора абхазцев, чеченцев, аварцев, лаков, даргинцев, лезгин, табасаранцев, *впервые* записанные *ученым на языках оригинала* с максимальной точностью, что он неоднократно подчеркивал: «...вообще всё приводимое мною — почти буквальный перевод с записанного *стенографически* со слов самих горцев» [9, с. 31–32]. Конечно, П.К. Услар достигал такой точности во многом благодаря его наставникам в изучении горских языков, которых он уважительно называл своими «горскими сотрудниками».

К сожалению, пока не удалось установить имена абхазских наставников П.К. Услара — известно только, что ученый изучал абхазский язык сначала в Сухуме, а затем в Тифлисе с «тремя абхазами, из которых двое понимали и объяснялись довольно хорошо по-русски» [4, с. 16–17].

О помощниках П.К. Услара в исследовании чеченского и языков народов Дагестана сохранилась достаточно полная информация. Изучить

чеченский язык ученому помогали мулла Янгулбай Хасанов и прапорщик милиции Кеди Досов.

Горскими сотрудниками в исследовании языков народов Дагестана были: аварского — сын личного секретаря Шамиля Айдемир Чиркеевский, даргинского — выпускник Московского и Берлинского университетов Далгат Хюркилинский, лакского — Абдулла Омаров, лезгинского — Казанфер Кюринский, табасаранского — Мулла Абдулла Салим [3, с. 18–21].

П.К. Услар не только учил с каждым из них его родной язык, но и помогал им «вникать все более и более в свойства родного языка» [7, с. 10], так что в результате все они стали первыми преподавателями в чеченских, аварских, даргинских, лезгинских школах, составляли и издавали на родных языках книжки для чтения в горских школах, участвовали в подготовке первых букварей, публиковали произведения родного фольклора.

Благодаря их сотрудничеству с П.К. Усларом все фольклорные тексты в его лингвистических исследованиях были не только максимально точно зафиксированы на языках оригинала, но и публиковались с максимально точным переводом на русский язык.

Иначе говоря, записывая тексты фольклора кавказских горцев и готовя их к публикации, П.К. Услар строго следовал определенным правилам, которые к тому же он четко сформулировал. Правда, у ученого нет специальной статьи, в которой эти правила изложены систематически, — он всегда кстати приводит их и в своих лингвистических исследованиях, и письмах к коллегам-кавказоведам, и к упоминавшемуся выше академику А.А. Шифнеру, и к выдающемуся российскому кавказоведу, востоковеду, археографу, многолетнему коллеге по работе в Кавказском отделе Русского географического общества А.П. Берже (1828–1886), в контексте обсуждения разных кавказоведческих проблем, и в статье «Кое-что о словесных произведениях горцев», содержащей первую характеристику ряда жанров горского фольклора [9]. «Разбросанные» по разным публикациям работ ученого, в совокупности они складываются в достаточно стройный свод правил фиксации, перевода на русский язык, публикации, комментирования и исследования текстов фольклора кавказских горцев.

В данной статье впервые будет охарактеризован вклад П.К. Услара в возникновение и развитие кавказской фольклористики, прежде всего —

текстологии устной народной поэзии горских народов Кавказа, а также в исследование ее различных жанров.

Выше уже было сказано, что П.К. Услар строил свои исследования иберийско-кавказских горских языков, опираясь прежде всего на тексты фольклора народов, говоривших на этих языках. Уже в первом исследовании, посвященном абхазскому языку, ученый убедительно обосновал свое обращение к этому — на его взгляд — самому надежному источнику изучения этих языков: «Сказки, песни, поговорки, живущие в устах народных, составляют единственный, вполне надежный, ничем посторонним не засоренный источник к изучению языка. Собрание всего изустно-живущего в народе должно составить первый письменный памятник, после создания азбуки. Это необходимо не для одних иноязычных филологов: это — насущная потребность для самого народа, выступающего на поприще письменности. Только удовлетворением этой первой потребности можно охранить письменность от вековой чахлости, которая не есть болезнь развития, а болезнь прививная, прививаемая переводами. Русские времен Петра Великого, конечно, говорили по-русски не хуже нашего, но писали по-русски как бы на малоизвестном им языке. Так продолжалось, пока не обратились к живым источникам слова. Грамотные греки не переводили ни с египетского, ни с финикийского; прежде всего записали они поэмы Гомеровы, которые в продолжение целых веков распевались из-за подаяния безграмотными певцами. Почти на наших глазах создавалась финская письменность; записанная со слов безграмотных певцов “Калевала” сразу выдвинула ее на ступень, до которой веками и длинной околицей едва-едва довлекала письменность других народов» [18, с. 103].

Но в распоряжении П.К. Услара не было научно достоверных публикаций текстов фольклора кавказских горцев. Правда, произведения горского фольклора в русском пересказе (разной степени точности и полноты) печатались в многочисленных статьях, путевых очерках, этнографических заметках о Кавказе, широко публиковавшихся в русской печати.

Но для исследования горских языков нужны были достоверные записи фольклорных текстов на языках оригинала, и П.К. Услар, как уже говорилось, *первым* в кавказской фольклористике зафиксировал произведе-

ния абхазского, чеченского, аварского, лакского, лезгинского, даргинского, табасаранского фольклора на соответствующих языках — они вошли в раздел «Образцы речи» во всех его лингвистических исследованиях.

В «Абхазском языке» это — начало сказки, басни и пословицы [18, с. 103–117], в «Чеченском языке» [19, с. 111–149] и «Аварском языке» [20, с. 1–33] — пословицы, рассказы и песни; в «Лакском языке» — пословицы, песни, анекдоты, лирические песни [21, с. 201–232], в «Хюркилинском (даргинском) языке» — пословицы, басни, анекдоты о мулле Насредине [22, с. 225–279], в «Кюринском (лезгинском) языке» — пословицы, поговорки, анекдоты и сказки [23, с. 257–321], в «Табасаранском языке» — пословицы, анекдоты, рассказы и басни [24, с. 437–563].

Все фольклорные тексты, представленные в «Образцах речи», были записаны П.К. Усларом с максимальной точностью, что ученый неоднократно подчеркивал. Так, в письме к академику А.А. Шифнеру от 6 января 1864 г. он писал: «Добросовестность моих занятий заключается в том, что записываю я со слов туземцев с фотографической точностью» [15, с. 13], причем по возможности ученый стремился фиксировать одни и те же произведения фольклора «на нескольких наречиях» [15, с. 36], что придавало его записям особую ценность.

Публикацию фольклорного текста на языке оригинала непременно сопровождал буквальный и литературный перевод его на русский язык. П.К. Услар также неоднократно подчеркивал его максимальную точность.

П.К. Услар не только сам максимально точно фиксировал образцы горского фольклора, публиковал их с «двойным» переводом, но и хлопотал о том, чтобы в новом кавказском издании — «Сборнике сведений о кавказских горцах», первый выпуск которого вышел в свет в 1868 г., был специальный раздел, где тексты горского фольклора печатались бы в соответствии с этими правилами.

Впрочем, в подробном «Предисловии» к первому выпуску этого издания о вкладе П.К. Услара в создание в нем Отдела «Народные сказания кавказских горцев» даже не упоминается. Мы узнали об этом только из названной выше статьи Л.П. Загурского «Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе»: «В “Сборнике сведений о кавказских горцах” занимает изрядное место один отдел, едва затрагиваемый прежде в кавказской научной литературе. Это — народные сказания. Но из “Сборника” не

видно, что главная заслуга в собрании означенных сказаний принадлежит Услару» [6, с. VI].

По свидетельству Л.П. Загурского, П.К. Услар «советовал редакции “Сборника” записывать рядом с переводом на русский язык туземных текстов и сами тексты. Редакция “Сборника” нашла невозможным для себя по отдаленности пребывания лиц, присылавших для печатания народные сказания, взяться за редактирование текстов на туземных языках» [5, с. LV–LVI].

Сам же П.К. Услар, как было сказано выше, всегда публиковал тексты фольклора кавказских горцев на языках оригинала не только с переводом на русский язык, но и с «грамматическим разбором» и фольклористическими комментариями — краткими, но четкими характеристиками либо фольклорных персонажей, либо жанровых особенностей публикуемого произведения.

Так, например, публикацию песенных текстов в «Чеченском языке» сопровождает общая характеристика песенного фольклора чеченцев: «Большая часть чеченских песен суть импровизации без рифмы и размера, которые поются речитативом» [19, с. 128].

Перевод чеченской песни об Умахане сопровождает характеристика прототипа песенного героя: «Умахан был знаменитый разбойник / и наездник, умерший лет 30 тому назад» [19, с. 128], и особенностей поэтики чеченских песен: «Песня наполнена повторениями, которые, по-видимому, представляют особую прелесть для чеченцев» [19, с. 130].

Примеры таких характеристик разных сторон горского фольклора и в лингвистических исследованиях П.К. Услара, и в его переписке с коллегами, в частности, с А.А. Шифнером и А.П. Берже, многочисленны и представляют самостоятельный интерес. И хотя характеризуя произведения горского фольклора, ученый не упускал случая подчеркнуть, что прежде всего «они замечательны исключительно в лингвистическом отношении» [15, с. 36], он в полной мере представлял их самостоятельную художественную ценность. Убедительное тому подтверждение — статья П.К. Услара «Кое-что о словесных произведениях горцев» [9, с. 1–42]. Это — *первое* в российском кавказоведении исследование ряда жанров фольклора абхазов, чеченцев, аварцев, лаков, лезгин, даргинцев, т. е. народов, языки которых ученый изучал. Впрочем, П.К. Услар обнаружил отличное знание и фольклора народов, исследованием которого он специально не занимался — адыгов и осетин.

Важное достоинство статьи «Кое-что о словесных произведениях горцев» — то, что ее автор задался целью не только охарактеризовать основные жанры фольклора кавказских горцев, но и помочь читателю составить более верное представление о народах Кавказа, чем то, которое он мог составить, познакомившись с сочинениями античных авторов о Кавказе или с «кавказскими» произведениями русских поэтов начала XIX в.

Этой задаче подчинена структура статьи. В первой ее части П.К. Услар дал возможность горцам «разговаривать между собою, не стесняя их своим присутствием» [9, с. 2], т. е. привел в максимально точном русском переводе тексты абхазских, аварских, чеченских, лакских, даргинских, лезгинских, акушинских приветствий, благопожеланий, проклятий, определений женской красоты, сопроводив их краткими, но точными комментариями. В совокупности эти примеры позволили ученому достаточно точно охарактеризовать характер кавказских горцев, их представления о семье, их нравы и обычаи, их представления о дружбе и взаимопомощи, их «весьма изящные понятия о женской красоте» [9, с. 5], за редкими исключениями не расходящиеся с европейскими и русскими.

Если в характеристике горских женщин П.К. Услар ограничился упоминанием их прекрасного внешнего облика, то в представлении читателю горцев он акцентировал внимание на культе героизма у народов Кавказа, который получил четкое выражение в горском фольклоре, в частности, в сравнении горского джигита с волком, встречающемся только в фольклоре чеченцев: «Волк самый поэтический зверь в понятиях горцев. Лев, орел изображают силу, они идут на слабого; волк идет на более сильного, чем он сам; недостаток силы заменяет отвагой, дерзостью, ловкостью <...>. Попавшись в безысходную беду, волк умирает молча, не выражая ни страха, ни боли. Эти свойства характеризуют героя, по горским понятиям <...>. В песне говорится, что волк щенится в ту ночь, когда мать рождает чеченца. “Короткоухий ты волк, волчий у тебя нрав”, — говорит горская девушка, ласкаясь к любимому. “Волчья ночь” — ночь темная, бурная, когда ни волкам, ни молодцам не спится, когда и волки и молодцы рыщут для разных приключений» [9, с. 10].

Существенно дополняет представление настоящего горского джигита характеристика его верного спутника — коня, которого отличали особые

достоинства: «Самым привлекательным качеством *коня* представляется горцам легкость его: “конь-птичка” — так абхазцы называют жеребенка; “конь-ветер”, “конь-туча” — эпитеты, встречающиеся в горских сказках. В них, чтобы сбить с себя непрошеного седока, конь трижды вспрыгивает так, что ударяется головой о голубое небо, и трижды падает наземь так, что вздрагивает под ним черная земля; кто усидел после такого испытания, тому конь повинуется» [9, с. 10].

Охарактеризовав приветствия, благопожелания, проклятия прежде всего как одно из средств максимально точной характеристики кавказских горцев, П.К. Услар перешел к презентации разных жанров горского фольклора как произведений искусства слова.

Так, пословицы и поговорки абхазов, чеченцев, аварцев, лаков, даргинцев, лезгин ученый анализирует в сопоставлении не только с аналогичными произведениями русского фольклора и разных европейских народов, но прежде всего постоянно соотносит их с особенностями реальной жизни кавказских горцев с одной стороны, а с другой — с пословицами и поговорками соседних кавказских народов. Это позволило ученому не только выявить особое сходство пословиц и поговорок разных народов Дагестана, говорящих на разных языках, но и охарактеризовать особенности их поэтики, подчеркнув такую общую особенность пословиц разных народов Дагестана как «нравоучительность», ученый подчеркнул: «Дело в том, *как* эти нравоучения выражены. Иногда придается им весьма оригинальная поэтическая оболочка, иногда пословицы слагаются с мнемонической целью, т. е. с тем, чтобы посредством рифмы или созвучия удобнее запечатлеться в памяти народной. <...> Горские пословицы не гоняются ни за рифмой, ни за созвучием и в переводе весьма понятны. <...> Многие пословицы проповедуют осторожность, сдержанность, обдуманность, предусмотрительность» [9, с. 16].

Обратившись к характеристике жанра анекдотов, до которых «горцы большие охотники», П.К. Услар сосредоточился на анекдотах о мулле Наср-Эддине, точнее — на происхождении этого популярного персонажа горского фольклора [9, с. 26–28].

Более подробно, чем другие жанры горского фольклора, в статье П.К. Услара «Кое-что о словесных произведениях горцев» охарактеризованы сказки — животные и волшебные.

Прежде чем перейти к характеристике ученым произведений этого жанра, необходимо напомнить, что всестороннее исследование проблем сказки получило активное развитие в европейской, в том числе в российской, фольклористике только в начале XX в. Поэтому в статье П.К. Услара многие термины, характеризующие разновидности сказок, их сюжетный состав, образы персонажей существенно отличаются от принятых в сказковедении сегодня.

Убедительный пример — характеристика сказок о животных, которые ученый рассматривает в одном ряду с баснями или притчами и в то же время четко дифференцирует собственно басни, каждая из которых, «сказанная кстати, быть может, произвела когда-то большой эффект, но для нас с читателем эти басни представляют лишь сухие нравоучения, облеченные в весьма незамысловатые формы» [9, с. 21], и «басни или сказки, созданные свободно народной фантазией без всякой предположенной цели. В них действующие лица — звери; в этом зверином мире жизнь идет шибко: горе, радость, дружба, вражда, любостяжание, хитрость, коварство, убийство и пр. и пр. Этот тревожный мир возбуждает участие, но в совокупности производит впечатление в высшей степени спокойное; то, чего не можем мы простить людям, прощаем охотно зверям» [9, с. 21].

Эту характеристику «басен» сопровождает перевод трех дагестанских сказок о лисице (двух кюринских и одной акушинской [9, с. 21–23]), и читателю становится ясно, что ученый отнес к жанру басни/притчи горские сказки о животных.

Более подробно П.К. Услар охарактеризовал волшебные сказки кавказских горцев. Но, поскольку в его распоряжении было ограниченное число сказочных текстов — их фиксацию и публикацию только еще начал и сам Услар, и его «горские сотрудники», он не имел возможности с достаточной полнотой охарактеризовать сюжетный состав волшебных сказок кавказских горцев. И в статье «Кое-что о словесных произведениях горцев» [9, с. 27], и в переписке с А.А. Шифнером ученый ограничился замечанием о «заимствованном» характере сюжетов дагестанских волшебных сказок [15, с. 33–34].

По этой же причине П.К. Услар не мог охарактеризовать разные типы главного героя горских волшебных сказок. Он кратко представил только одного из них — младшего брата, который вместе с двумя старшими

братьями участвует в состязаниях за руку прекрасной царевны и выходит победителем.

Зато П.К. Услар первым в кавказской фольклористике охарактеризовал специфических персонажей горских волшебных сказок.

В первую очередь это — великаны, в волшебных сказках народов Дагестана именуемые *нартами* — так же, как и герои эпических нартских сказаний у кабардинцев и осетин, к тому времени уже опубликованных: «В большой части сказок действуют великаны — Нарты: название, распространенное по целому Кавказу, но необъяснимое ни на одном из горских языков. В Дагестане Нарты служат общим названием для обозначения великанов, иногда добрых, чаще злых, но всегда безыменных, подобно тому, как и у нас в сказках безыменные добрые и злые волшебницы вмешиваются в людские дела. Напротив, у осетин и у кабардинцев, в самом центре Кавказа, Нарты сами служат героями песен и сказок; каждый нарт не только назван по имени, но известна и родословная его. Песни и сказки, наружно-разрозненные, но имеющие между собою тесную связь, образуют в совокупности целую эпическую поэму, которой в близком будущем предстоит или быть забытой безвозвратно или — кто знает? — явиться перед образованным миром наряду с великими национальными поэмами, которых знаменитый англо-германский филолог Макс Мюллер насчитывает пять: Ионические песни (“Илиада” и “Одиссея”), “Махабхарата”, “Шах-Наме”, “Нибелунги” и “Калевала”. Предлагаемые в нашей статье заметки не касаются ни до Осетии, ни до Кабарды; в Дагестане же, как я сказал, “Нарты” служат синонимом *великанов*, в самом общем значении и ничего более. Всю жизнь свою они проводят или в спянье, спят по целой неделе, — или на охоте. Когда бродят по лесам, то следы их шириною в локоть, длиною в три, глубиною локоть в землю. Чтобы привязывать дичь, на плече каждый носит по вырванному с корнем чинару. Когда хотят напиться, то перед ними ставится кувшин браги величиною с дом» [9, с. 28].

Как видим, П.К. Услар первым охарактеризовал нартов-великанов дагестанских сказок, убедительно доказав, что общее с персонажами нартского эпоса у них — только именование их собирательным термином *нарты*. Ученый подтвердил этот вывод не только характеристикой персонажей дагестанских сказок в сравнении с героями нартского эпоса, но и суммарной характеристикой этого эпического памятника народов Кавказа, первой

и очень точной не только в российском, но и в мировом кавказоведении, что справедливо заметил Л.П. Загурский в упоминавшейся выше статье [6, с. LVI; ср.: 1, с. 3–7].

Характеристику нартского эпоса, данную в статье «Кое-что о словесных произведениях горцев», П.К. Услар существенно дополнил в своем письме к А.П. Берже от 3 июня 1864 г. Узнав, что его коллега перестал редактировать знаменитое тифлисское издание — «Кавказский календарь», П.К. Услар писал: «Крайне интересно было бы узнать, какому литературно-ученому предприятию посвятите Вы *dulcia otia*, которые Вам доставило освобождение от редакции “Календаря”. За что бы Вы взялись — все, без сомнения, будет превосходно сделано — здесь на Кавказе столько предметов для исследования, что не знаешь даже, какой предмет предпочесть другому. Из числа множества я Вам предложил бы один, который мне кажется особенно привлекательным и исполнение которого сулит неувядаемую славу в будущем. На Кавказе существует народная поэма о нардах (*sic!*), которая покуда, как и все народные поэмы, представляется раздробленною на множество отдельных песней. Эта поэма существует, как мне известно, у адыгов, кабардинцев, осетин, аварцев, казикумыков, — вероятно, и у других народов. В ней есть целая генеалогия героев, богов, фантастических существ и пр. и пр., и в этом отношении, как и в отношении к характерам различных личностей, существует замечательное сходство. У каждого народа есть несколько певцов, которые славятся знанием этих песней. Можно вызвать таких певцов во Владикавказ, в Нальчик и т. д. и под их диктовку записывать эти песни, так как туземные азбуки уже составлены. Переводы не трудно делать при помощи туземцев, знающих русский язык. Переписывать все это Вы можете с помощью начертаний букв, вводимых Шифнером для европейских филологов, и далее присоедините к подлиннику французский или немецкий перевод. Труд будет обширный и потребует много лет, но он будет *всемирный*, как финская “Калевала” или как индийские поэмы. Не думаю, чтобы кто-нибудь на Кавказе успешнее Вас мог выполнить таковую работу» [14, с. 40–41].

Как видим, здесь П.К. Услар не только существенно дополнил приведенную выше характеристику нартского эпоса разных народов Кавказа, но еще и предложил четкую программу фиксации и публикации нартских сказаний на языках оригинала с переводом на европейские языки, что спо-

собствовало бы знакомству с этим великим эпическим памятником и европейских исследователей, и любителей устной народной поэзии.

Проблемы публикации текстов нартского эпоса на языках оригинала занимали ученого всю жизнь. Совсем незадолго до своей безвременной кончины он обратился с письмом к начальнику Горского управления В.А. Франкини, в котором не только высоко оценил работу своих «горских сотрудников» — наставников в изучении кавказских языков — и хлопотал об их служебном поощрении, но и обосновал необходимость публикации именно текстов нартских сказаний на языках оригинала: «В каждой книге “Сборника <сведений о кавказских горах>” появляются народные сказания, которые для науки могли бы составить драгоценный материал, если бы к ним присоединялись туземные тексты. Переводы внушают мало доверия, особенно будучи сделаны людьми, не получившими научного образования. Аварские сказки имеют несравненно меньшее значение, чем сказания осетин и кабардинцев о Нардах, но эти сказки были переведены мною почти подстрочно, подлинный текст напечатан и издан Академией наук. Они обратили на себя внимание европейских специалистов, известный исследователь д-р Рейнгольд Кёлер (в Веймаре) посвятил разбору их обширную и весьма интересную статью. Сколько мне известно, “Сказания”, печатаемые в “Сборнике”, до сих пор не возбудили отголоска в ученом мире, и это должно приписать исключительно тому, что подлинные тексты остались неизвестными. “Нарды”, быть может важная, безвестная покуда еще эпическая поэма. Не заглядывая вдаль, позволю себе посоветовать печатать подлинники сказаний о Нардах, переводы которых появляются в “Сборнике <сведений о кавказских горах>”. Этим достигается двоякая цель: во-первых, таковые статьи приобретают научное значение, во-вторых, туземцам доставляется материал для чтения. Быть может, затруднительно печатать подлинные тексты в самом “Сборнике”, но их можно печатать отдельными брошюрами и распространять между туземцами, которых апатия через это пробудится. Я советовал бы начать печатанием осетинских текстов; уже лет 25 тому назад академик Шегреном составлены были для осетин азбука и грамматика. Имя знаменитого лингвиста ручается за достоинство той и другой» [14, с. 41].

Как видим, П.К. Услар предложил конкретную программу публикации текстов нартского эпоса, благодаря которой горские школы получат

книги для чтения, а исследователи — тексты эпических сказаний на разных горских языках с переводами их на русский язык, печатавшимися на страницах «Сборника сведений о кавказских горах».

Но вернемся к специфическим персонажам горских сказок, впервые охарактеризованным в статье «Кое-что о словесных произведениях горцев». Это — «*Карт* — огромная женщина-людоедка. В сказках она изображается трудолюбивой хозяйкой, матерью нескольких дочерей-людоедок, которых нежно любит», но тут же ученый подчеркнул, что, «несмотря на созвучие *Нарт* и *Карт*, между этими существами незаметно никакого соотношения. *Нарты* обыкновенно приискивают себе невест между хорошенькими дочерьми простых смертных и не обнаруживают никакой склонности к людоедкам» [9, с. 29].

В борьбе с такими необыкновенными противниками, как великаны-*нарты* и людоедки-*карты*, герою дагестанской волшебной сказки помогают животные и предметы, наделенные необыкновенными свойствами, — их также впервые охарактеризовал П.К. Услар. Это и «белоснежный морской конь, который вслед за солнцем выбегает на берег моря, в один миг трижды обегает кругом землю и потом снова скрывается в море; ему достался *меч-алмас*, которым срубает он разом девять голов и восемнадцать ушей у черного змея, в то время как змей этот полз, чтобы пожрать птенцов орлицы, которая живет в чинаровом лесу. Каждый из этих крошечных птенцов величиною с быка» [9, с. 29].

П.К. Услар попытался охарактеризовать и особенности поэтики горских сказок — в частности, долгий путь героя в сказке: «Ехал он, ехал, ехал много, ехал мало, ехал ночью, ехал днем, нашу гору миновал, чужую гору миновал, сорочью, галкину гору миновал, густые леса проехал, через глубокие ущелья проехал, прибыл...» [9, с. 30] — и традиционные завершения сказочного повествования: «Я там был, мед пил, по усам текло, в рот не попало», горцы говорят: «Ударили в медный барабан, задули в кожаную зурну, засвистели дудки, пыль подняли столбом; медвежий танец проплясал, все меня расхвалили. Ни днем, ни ночью не отдыхая, спать не ложась, куска в рот не кладя, поспел я сюда, чтобы вам рассказать, как все было». Встречается и такое более короткое заключение: «Тут и сказке конец; все это слышал я от сороки, а она мне более ничего не рассказала» [9, с. 31].

Современные исследователи сказок классифицируют эти описания как медиальные и финальные формулы сказок, т. е. как важные составляющие их поэтики.

Приводя заключительную формулу горской сказки, П.К. Услар подчеркнул, что особенности жизни, быта, нравов, обычаев горцев отразились и в художественной системе горской сказки. В частности, в финале может речь идти и не об одной свадьбе героя, а нескольких, «потому что случается, что царевич придерживается мусульманского многоженства» [9, с. 31].

Завершая характеристику горских сказок, П.К. Услар, неоднократно подчеркивавший, что всегда записывал фольклор горцев «стенографически точно», вдруг заметил: «Вообще народные сказки никогда не *записываются* так, как они *сказываются*. Сказки записываются людьми грамотными, которые <...> следуют некоторым правилам, от которых освободиться не могут. Они заботятся о том, как бы привлечь внимание читателей к читаемому, и интерес читаемого должен идти, возрастая до конца. Но это диаметрально противоположно назначению сказки. Сказка *сказывается* на ночь — для того, чтобы усыпить человека, интерес должен *сглаживаться* постепенно, пока не сольется с сновидением. <...> Все это инстинктивно поняли безграмотные сказочники. Сказочник с самого начала приискивает случай высказать все, что будет впереди; по мере того, как высказанное осуществляется, он рассказывает его отчетливо, как бы забыв, что все это уже раз было рассказано или предсказано. Предсказание будущего ни на *йоту* не сокращает рассказа о настоящем <...>. Это смешение времен составляет, как все мы знаем по собственному опыту, необходимый элемент усыпления. <...> Чем бессвязнее становится сказка, тем более гармонирует она с его сладким усыплением» [9, с. 31–32].

Очень важно замечание П.К. Услара, завершающее это описание: «Таким образом, и аварские сказки, недавно напечатанные в Шуре, записаны, само собою разумеется, *не стенографически*. Добросовестность заставляет меня сделать это замечание» [9, с. 32].

Это свидетельство П.К. Услара о манере исполнения сказок горскими сказочниками на протяжении более полувека оставалось *единственным* в работах о фольклоре кавказских горцев, публиковавшихся в российской научной печати. Можно было думать, что в статье П.К. Услара речь шла

об *особой манере* исполнения сказок в Дагестане, где много лет ученый занимался изучением ряда дагестанских языков.

Но в 1934 г. в журнале “Caucasica” была напечатана статья выдающегося русского филолога, лингвиста, этнолога, слависта, основоположника сравнительного изучения языков народов Северного Кавказа Н.С. Трубецкого (1890–1938) “Erinnerungen an einer Aufenthalt bei den Tscherkessen des Kreises Tuapse”. В ней ученый опубликовал материалы по мифологии и фольклору адыгейцев, собранные им в 1910–1911 гг. во время его экспедиций к адыгейцам, жившим на Черноморском побережье в районе города Туапсе [12, с. 1–39]. Публикации текстов сказок «Отцовские советы», «Два путника», «Сова», «Старый мужичонка и великаны» Н.С. Трубецкой предпослал краткую характеристику адыгейских сказок: «Самую любимую категорию адыгейской прозаической литературы составляют сказки (тхыдэжь). Их можно подразделить на две группы, согласно цели, которой они служат. Особую группу составляют бесконечно длинные сказки, рассказываемые много часов подряд или для развлечения дорожных спутников в скучной поездке или для того, чтобы усыпить знатного гостя после щедрого угощения. Они состоят из свободно следующих друг за другом приключений, архитектурно равноправных, стилистически и содержательно довольно нейтральных, поэтому не существует ясно выраженного членения и единого плана. Я попытался записать одну-единственную такую сказку (на бжедухском диалекте) от муллы в ауле Красноалександровском; после четырех часов записи я почувствовал себя таким усталым, что прервал запись, причем мулла заявил мне, что он не надиктовал еще и половины сказки. — Другую группу образуют более короткие сказки, значительно отличающиеся от вышеназванных “длинных” сказок своим четким членением, обозрительностью их общего плана (их объем может быть при этом довольно различным — от нескольких минут до получаса» [12, S. 26–27].

Как видим, П.К. Услар опубликовал описание только «длинных» сказок, которые он фиксировал в Дагестане; Н.С. Трубецкой наряду с «длинными» охарактеризовал и «более короткие» сказки, бытующие у адыгейцев. Эти свидетельства двух выдающихся кавказоведов очень важны: с большой вероятностью они позволяют говорить о трансформации традиции исполнения текстов горских сказок в меняющихся исторических условиях.

Еще полнее, чем горские сказки, в статье П.К. Услара «Кое-что о словесных произведениях горцев» представлены песенные жанры горского фольклора «как совершенно самостоятельные проявления горской поэзии» [9, с. 32].

Одновременно с работой П.К. Услара над «Аварским языком» в Дагестане было подготовлено к изданию первое собрание аварских народных песен с подлинными песенными текстами и сопровождающими их мелодиями [15, с. 33]. Хорошо знакомый с этим собранием, П.К. Услар начал характеристику горских песен с сопровождающих их мелодий: «Горцы обладают обильным запасом мелодий <...>. Горские мелодии представляют собой в высшей степени интересное явление. Не думаю, чтобы нашелся европеец, который мог с первого раза освоиться с ними. Но чем далее, тем более свыкаешься с их дикою прелестью» [9, с. 32–33].

Более подробно, чем мелодии, П.К. Услар охарактеризовал особенности стихосложения горских песен:

Здесь займусь исключительно словесной поэзией, которую горцы называют на свои загадочные мелодии. Механическая сторона чрезвычайно проста. Горцам неизвестны ни рифма, ни тонический размер. У кюринцев употребительна рифма, которую заимствовали они у соседей своих татар. <...>

Обращаюсь <...> к аварцам, лакам и акушинцам. Стихотворения их есть проза, разрубленная на 11 или на 7 слогов; у акушинцев мне встретилась одна лишь 7-мисложная рубка. Чтобы подравнять число слогов, допускаются поэтические вольности, от которых страдает грамматика, но к которым горцы вполне привыкли. Очевидно, что эта крайняя незамысловатость стихосложения открывает широкий простор поэтическим импровизациям. Поэт выбирает ту или другую рубку для своей импровизации, подбирает к ней ту или другую мелодию <...>. Горские стихи, впрочем, никогда не говорятя, а только поются [9, с. 33].

Вместе с тем П.К. Услар подчеркнул, что «Крайняя безыскусственность горского стихосложения не может, впрочем, помрачить для нас поэтического воодушевления, которым запечатлены многие горские песни. Уборы придают блеск красоте, но красавица остается красавицей даже в рубище» [9, с. 34].

Здесь же ученый охарактеризовал такую особенность горских песен, как сохраняемость их текста во времени: «Если импровизация была удачна, то она повторяется не раз и, наконец, становится ходячею песнею, но к ней неприменима русская поговорка “из песни слова не выкинешь”. Каждый поющий или выкидывает что-нибудь из песни или что-нибудь к ней добавляет» [9, с. 33].

Этот вывод П.К. Услара убедительно подтверждается анализом аварской песни о набеге на Дагестан Надир-шаха в 1742 г., сохранившейся не только до середины XIX в., когда ее зафиксировал ученый, но и до наших дней.

Специальное внимание уделил П.К. Услар горским песням о любви — он подчеркнул, что «некоторые из таких песен замечательны по своей грациозности» [9, с. 34]. В подтверждение этого тезиса П.К. Услар приводит как всегда очень точный перевод трех аварских песен и одной лакской элегии. Последняя, по мнению автора, содержит «уподобления, заимствования прямо из картин горской природы» [9, с. 35] — например, «цветок, выросший в голубом льду» [9, с. 35]. П.К. Услар считает, что это — очень точный и вполне реальный образ «Снег, лед, окаймленный цветами, часто можно видеть в горах» [9, с. 36], — подчеркнул он.

Более подробно охарактеризовал П.К. Услар похоронные песни дагестанцев, отметив, что, как и у других горцев, у них погибший герой всегда воспевается как достойный джигит — прекрасный наездник, храбрый, богатый и гостеприимный.

Детально анализирует ученый «песни о вождях, предводительствовавших набегами, которые горцы совершали, начиная с самых давних времен, и нередко только в песнях названы их имена» [9, с. 38]. Особенно подробно, подчеркивает П.К. Услар, в этих песнях характеризуются преисполненные задушевных треволнений приготовления к набегу, «которые притом должны были производиться в глубокой тайне и, без сомнения, доставляли горской молодежи самые поэтические минуты в жизни» [9, с. 38], а также оружия джигитов.

Так же детально описывает П.К. Услар сначала успешный набег и богатую добычу нападавших, затем встречу с хозяевами похищенного, переговоры с ними и жестокий бой, в котором нападавшие проявляют чудеса храбрости и возвращаются домой с богатой добычей, а погибшие в смер-

тельной схватке предстают истинными героями. Особенно ярко характеризуются герои, которые даже в минуту гибели смогли отомстить своему врагу, как герой знаменитой в Дагестане песни о Хочбаре.

Вклад П.К. Услара в исследование горских иберийско-кавказских языков общепризнан. К сожалению, до сих пор не был охарактеризован — даже в самых общих чертах — его вклад в кавказскую фольклористику. Правда, все исследователи лингвистического наследия ученого единодушно подчеркивали, что в исследовании горских языков он опирался прежде всего на тексты горского фольклора, которые составляли особый раздел во всех его лингвистических исследованиях. Однако никто из кавказоведов-фольклористов до сих пор не попытался охарактеризовать принципы фиксации, эдиции, перевода, комментирования текстов фольклора кавказских горцев, которые выработал и строго придерживался в своих исследованиях П.К. Услар.

Правда, ученому пришлось выработать эти принципы в процессе исследования горских языков. Он *первым* в истории российского кавказоведения фиксировал тексты горского фольклора на языках оригинала — и он решил делать это «с фотографической точностью», что неоднократно подчеркивал и в своих горских грамматиках, и в переписке с коллегами, и в своих статьях. Он *первым публиковал* тексты горского фольклора на языках оригинала и хлопотал, чтобы так публиковали их и в первом неперiodическом кавказском издании «Сборник сведений о кавказских горцах», и в первых книгах для чтения в горских школах, которые готовили его «горские сотрудники». П.К. Услар *первым* опубликовал максимально точные переводы фольклорных текстов и первым их комментировал. Иначе говоря, последовательно придерживаясь принципов фиксации, эдиции, перевода, комментирования фольклорных текстов, П.К. Услар таким образом во многом определил развитие текстологии кавказского фольклора, основные принципы которой были не только реализованы в его лингвистических трудах, но и четко сформулированы.

П.К. Услару принадлежит и первая в кавказской фольклористике характеристика целого ряда жанров горского фольклора — нартского эпоса, сказок (волшебных и животных), басен, анекдотов, притч, пословиц и по-

говорок. Опираясь на прекрасное знание истории народов Кавказа, их языков, быта, нравов, этических представлений, П.К. Услар сумел раскрыть и их неповторимое своеобразие.

Вскоре после кончины П.К. Услара в 1881 г. в Тифлисе стал выходить в свет «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». В нем регулярно печатались тексты фольклора практически всех народов Северного Кавказа и Закавказья, зафиксированные собирателями и подготовленные к изданию в соответствии с правилами, которым так строго следовал П.К. Услар: максимально точно зафиксированный текст фольклорного произведения на языке оригинала, «двойной» (подстрочный и литературный) перевод, лингвистические и фольклористические комментарии.

Правда, ни в одном выпуске «Сборника...» не было указано, что его издатели придерживаются правил текстологической подготовки фольклорных текстов, предложенных П.К. Усларом. Не ссылались на текстологический опыт Услара и кавказоведы-фольклористы XX в., не ссылаются они на него и сегодня.

Пришло время — хотя бы с таким опозданием — признать несомненный вклад этого ученого в возникновение кавказской фольклористики, основоположником которой он, несомненно, является.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бекоева Т.А., Бекоева Е.Д.* П.К. Услар о нартском эпосе народов Кавказа // Нартоведение в XXI веке: Современные парадигмы и интерпретации: сб. науч. тр. Владикавказ: ВНЦ РАН и РСО-А, 2005. Вып. 3. С. 3–7.
- 2 *Габуниа З.М.* Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания. Владикавказ: СОИГСИ, 2011. 518 с.
- 3 *Гаджиев А.* Петр Карлович Услар — выдающийся кавказовед. Махачкала: Дагучпедгиз, 1966. 25 с.
- 4 *Дамения И.Х.* Россия и Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX – начале XX вв. СПб.: Знание, 1994. 72 с.
- 5 Древнейшие сказания о Кавказе. Соч. Барона П.К. Услара // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Меликова, 1881. LXXXIII + 581 с.

- 6 *Загурский Л.* Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе. Тифлис: Тип. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1881. Вып. X. 416 с.
- 7 Записка об исследовании кавказско-горских языков // Известия Кавк. Отдела Имп. Рус. Геогр. о-ва. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1886–1888. Т. IX. Приложение. С. 13–16.
- 8 *Магомедов А.А.* П.К. Услар — исследователь дагестанских языков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. 100 с.
- 9 *У<слар> П.* Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1868. Вып. I. Отд. V. С. 1–42.
- 10 *Чикобава А.С.* Услар и вопросы научного изучения иберийско-кавказских языков // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси: Мецниереба, 1955. VII. С. 459–473.
- 11 *Шифнер А.А.* Краткая характеристика тушского языка // Ученые записки Академии наук по 1 и 3 отделениям. СПб., 1855. Т. III. С. 71–93.
- 12 *Erinnerungen an einer Aufenthalt bei den Tscherkessen des Kreises Tuapse. Von Fürst N. Trubetzkoy // Caucasia. Begründet von Adolf Dir. Herausgegeben von Gerhard Deeters. Leipzig: Verlag Asia Major. G. M. B. H., 1934. Fasc. II. S. 1–39.*
- 13 *Tschetschenische Studien. Von A. Schiefner. Gelesen den 16 Oktober 1863 // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. St. Petersburg: L'Académie 1864. 7e Serie. T. 7, № 5. S. 1–68.*

Источники

- 14 Письма П.К. Услара // *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1888. С. 1–52.
- 15 Письма П.К. Услара к А.А. Шифнеру // *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис: Тип. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1890. С. 1–42.
- 16 Письмо <П.К. Услара> к В.А. Франкини // *Магомедов А.А.* П.К. Услар — исследователь дагестанских языков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. С. 95–97.
- 17 *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис: [б.и.], 1862. 302 с.-
- 18 *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис: Тип. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1887. 193 с. + 120 с.
- 19 *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1868. 246 с. + 117 с.
- 20 *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1889. 242 с. + 245 с. + 20 с.

- 21 Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1890. 42 с. + 422 с. + 14 с.
- 22 Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1892. 497 с.
- 23 Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюргинский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1896. 639 с.
- 24 Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 1072 с.

References

- 1 Bekoeva, T.A., Bekoeva, E.D. "P.K. Uslar o nartskom epose narodov Kavkaza" ["P.K. Uslar on the Nart Epic of the Peoples of the Caucasus"]. *Nartovedenie v XXI veke: Sovremennye paradigmy i interpretatsii* [Narology in the 21st Century: Modern Paradigms and Interpretations], issue 3. Vladikavkaz, VNTs RAN i RSO-A Publ., 2005, pp. 3–7. (In Russ.)
- 2 Gabunia, Z.M. *Russkaia lingvisticheskaia nauka v stanovlenii i razvitii kavkazskogo iazykoznaniiia* [Russian Linguistic Science in the Formation and Development of Caucasian Linguistics]. Vladikavkaz, Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniia imeni V.I. Abaeva Publ., 2011. 518 p. (In Russ.)
- 3 Gadzhiev, A. *Petr Karlovich Uslar — vydaishchiia kavkazoved* [Petr Karlovich Uslar — an Outstanding Caucasian Scholar]. Makhachkala, Daguchpedgiz Publ., 1966. 25 p. (In Russ.)
- 4 Dameniia, I.Kh. *Rossiiia i Abkhaziia. Iz istorii kul'turnykh vzaimootnoshenii v XIX – nachale XX vv.* [Russia and Abkhazia. From the History of Cultural Relations in the 19th – early 20th Centuries]. St. Petersburg, Znanie Publ., 1994. 72 p. (In Russ.)
- 5 "Drevneishie skazaniia o Kavkaze. Sochineniia Barona P.K. Uslara" ["The Oldest Legends about the Caucasus. Oeuvre by Baron P.K. Uslara"]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders]. Tiflis, Tipografiia Melikova Publ., 1881. LXXXIII, 581 p. (In Russ.)
- 6 Zagurskii, L. *Petr Karlovich Uslar i ego deiatel'nost' na Kavkaze* [Petr Karlovich Uslar and His Activities in the Caucasus], issue X. Tiflis, Tipografiia Glavnonachal'stviuushchego grazhdanskoi chast'iu na Kavkaze Publ., 1881. 416 p. (In Russ.)
- 7 "Zapiska ob issledovanii kavkazsko-gorskikh iazykov" ["Note on the Study of the Caucasian-Mountain Languages"]. *Izvestiia Kavkazskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society], vol. IX. Appendix. Tiflis, Tipografiia Glavnonachal'stviuushchego grazhdanskoi chast'iu na Kavkaze Publ., 1886–1888, pp. 13–16. (In Russ.)

- 8 Magometov, A.A. *P.K. UsLAR — issledovatel' dagestanskikh iazykov* [P.K. UsLAR is a *Researcher of the Dagestan Languages*]. Makhachkala, Daguchpedgiz Publ., 1979. 100 p. (In Russ.)
- 9 U<slar>, P. "Koe-что o slovesnykh proizvedeniiakh gortsev" ["Something about the Verbal Works of the Highlanders"]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders], issue I (V). Tiflis, Tipografiia Glavnachal'stvuiushchego grazhdanskoj chast'iu na Kavkaze Publ., 1868, pp. 1–42. (In Russ.)
- 10 Chikobava, A.S. "UsLAR i voprosy nauchnogo izucheniia iberiisko-kavkazskikh iazykov" ["UsLAR and Issues of Scientific Study of the Iberian-Caucasian Languages"]. *Iberiisko-kavkazskoe iazykoznanie* [Iberian-Caucasian Linguistics], vol. VII. Tbilisi, "Metsniereba" Publ., 1955, pp. 459–473. (In Russ.)
- 11 Shifner, A.A. "Kratkaia kharakteristika tushskogo iazyka" ["Brief Description of the Tush Language"]. *Uchenye zapiski Akademii nauk po 1 i 3 otdeleniiam* [Scientific Notes of the Academy of Sciences for 1 and 3 Departments], vol. III. St. Petersburg, 1855, pp. 71–93. (In Russ.)
- 12 "Erinnerungen an einer Aufenthalt bei den Tscherkessen des Kreises Tuapse. Von Fürst N. Trubetzkoy." *Caucasica*. Begründet von Adolf Dir. Herausgegeben von Gerhard Deeters. Fasc. 11. Leipzig, Verlag Asia Major. G. M. B. H., 1934. S. 1–39. (In German)
- 13 "Tschtschenische Studien. Von A. Schiefner. Gelesen den 16 Oktober 1863." *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*. 7e Serie. T. 7, N° 5. St. Petersburg, L'Académie 1864. S. 1–68. (In German)